

ЛУЧШАЯ ФАНТАСТИКА
О ПУТЕШЕСТВИЯХ ВО ВРЕМЕНИ

ЛУЧШАЯ ФАНТАСТИКА
О ПУТЕШЕСТВИЯХ ВО ВРЕМЕНИ

Герберт УЭЛЛС
Машина времени

Айзек АЗИМОВ
Конец вечности

Кир БУЛЬЧЕВ
Похищение чародея
Сто лет тому вперед

КИР БУЛЬЧЕВ

ПОХИЩЕНИЕ ЧАРОДЕЯ
СТО ЛЕТ ТОМУ ВПЕРЕД

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б90

Разработка серии *А. Саукова*

В оформлении переплета использована работа
художника *А. Дубовика*

Булычев, Кир.

Б90 Похищение чародея ; Сто лет тому вперед /
Кир Булычев. — Москва : Издательство «Э», 2018. —
384 с. — (Лучшая фантастика о путешествиях во вре-
мени).

ISBN 978-5-04-091715-0

Ученых из далекого будущего интересуют гении, которые погибли, не успев прославиться в своем времени. Когда студентка Анна приезжает к своей деревенской тетке, чтобы в тишине и покое подготовиться к поступлению в аспирантуру, она и не подозревает, что двое чужаков странного вида, оказавшиеся в запертом снаружи доме, на самом деле пришельцы из XXVII века. Историки Кин и Жюль готовятся к переброске в XIII век, чтобы спасти гениального алхимика боярина Романа. Но сделать это вовсе не просто...

«Алиса, миелофон!» — этот отчаянный крик мы помним с детства. Головокружительные приключения шестиклассника Коли Наумова в XXI столетии, проникновение коварных космических пиратов в Москву века XX были блестяще экранизированы в культовом сериале «Гостя из будущего»...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091715-0

© Булычев К., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ПОХИЩЕНИЕ ЧАРОДЕЯ

Дом понравился Анне еще издали. Она устало шла пыльной тропинкой вдоль заборов, сквозь дырявую тень коренастых лип, мимо серебристого от старости колодезного сруба — от сильного порыва ветра цепь звякнула по мятому боку ведра, — куры суетливо уступали дорогу, сетуя на человеческую наглость, петух же отошел строевым шагом, сохраняя достоинство. Бабушки, сидевшие в ряд на заваulinке, одинаково поздоровались с Анной и долго смотрели вслед. Улица была широкой, разъезженная грузовиками дорога вилась посреди нее, как речка по долине, поросшей подорожником и мягкой короткой травой.

Дом был крепким, под железной, когда-то красной крышей. Он стоял отдельно от деревни, по ту сторону почти пересохшего ручья.

Анна остановилась на мостике через ручей — два бревна, на них набиты поперек доски. Рядом был брод — широкая мелкая лужа. Дорога пересекала лужу и упиралась в распахнутые двери серого бревенчатого пустого сарая. От мостика тянулась тропа, пробежала мимо дома и петляла по зеленому склону холма, к плоской вершине, укрытой плотной шапкой темных деревьев.

Тетя Магда описала дорогу точно, да и сама Анна шаг за шагом узнавала деревню, где пятилетней девочкой двадцать лет назад провела лето. К ней возвращалось забытое ощущение покоя, гармонирующее со ржаным полем, лопухами и пышным облаком над рощей, звоном цепи в колодце и силуэтом лошади на зеленом откосе.

Забор покосился, несколько планок выпало, сквозь щели проросла крапива. Смородиновые кусты перед фасадом в три окна, обрамленных некогда голубыми наличниками и прикрытых ставнями, разрослись и одичали. Дом был одинокий, он скучал без людей.

Анна отодвинула ржавый засов калитки и поднялась на крыльцо. Потом оглянулась на деревню. Деревня тянулась вдоль реки, и лес, отделявший ее от железнодорожного разъезда, отступал от реки широкой дугой, освобождая место полям. Оттуда тянуло прохладным ветром. И видно было, как он перебегает Вятлу, тысячью крошечных лапок взрывая зеркало реки и раскачивая широкую полосу прибрежного тростника. Рев мотора вырвался из-за угла дома, и низко сидящая кормой лодка распилила хвостом пены буколические следы ветра. В лодке сидел белобородый дед в дождевике и синей шляпе. Словно почувствовав взгляд Анны, он обернулся, и, хотя лицо его с такого расстояния казалось лишь бурым пятном, Анне показалось, будто старик осуждает ее появление в пустом доме, которому положено одиноко доживать свой век.

Пустое человеческое жилище всегда печально. Бочка для воды у порога рассохлась, из нее почему-то торчали забытые грабли, у собачьей конуры с провалившейся крышей лежал на ржавой цепочке полуистлевший ошейник.

Анна долго возилась с ключом, и, когда дужка сердито выскочила из пузатого тела замка, входная дверь поддалась туго, словно кто-то придерживал ее изнутри. В сенях царил нежилая затхлость, луч солнца, проникнув в окошко под потолком, пронзил темный воздух, и в луче замельтешили вспугнутые пылинки.

Анна отворила дверь в теплую половину. Дверь была обита рыжей клеенкой, внизу было прикрытое фанерой отверстие, чтобы кошка могла выйти, когда ей вздумается. Анна вспомнила, как сидела на корточках, завидуя черной теткиной кошке, которой разрешалось гулять даже ночью. Воспоминание звякнуло, как колокольчик, быстро прижатый ладонью. На подоконнике в молочной бутылке стоял

букет бумажных цветов. Из-под продавленного дивана выскочила мышь-полевка.

Отогнув гвозди, Анна растворила в комнате окна, запахнула ставни, потом перешла на кухню, отделенную от жилой комнаты перегородкой, не доходившей до потолка, и раскрыла окно там. При свете запустение стало более очевидным и грустным. В черной пасти русской печи Анна нашла таз, в углу под темными образами — тряпку. Для начала следовало вымыть полы.

Натаскав из речки воды — одичавшие яблони в саду разрослись так, что приходилось продирааться сквозь ветки, — и вымыв полы, Анна поставила в бутылку букет ромашек, а бумажные цветы отнесла к божнице. Она совсем не устала — эта простая работа несла в себе приятное удовлетворение, а свежий запах мокрых полов сразу изгнал из дома сладковатый запах пыли.

Одну из привезенных с собой простынь Анна постелила на стол в большой комнате и разложила там книги, бумагу и туалетные принадлежности.

Теперь можно было и отдохнуть. То есть сходить за молоком в деревню, заодно навестить деда Геннадия и его жену Дарью.

Анна нашла на кухне целую кринку, вышла из дома, заперла по городской привычке дверь, постояла у калитки и пошла не вниз, к деревне, а к роще на вершине, потому что с тем местом была связана какая-то жуткая детская тайна, забытая двадцать лет назад.

Тропинка вилась среди редких кустов, у которых розовела земляника, и неожиданно Анна оказалась на вершине холма, в тени деревьев, разросшихся на старом, заброшенном кладбище. Серые плиты и каменные кресты утонули в земле, заросли орешником, и в углублениях между ними буйно цвели ландыши. Одна из плит почему-то стояла торчком, и Анна предположила, что здесь был похоронен колдун, который потом ожил и выкарабкался наружу.

Вдруг Анне показалось, что за ней кто-то следит. Внутри рощи было очень тихо — ветер не смел хозяйничать здесь, и древний кладбищенский страх вдруг овладел Анной и заставил, не оборачиваясь, быстро пойти вперед...

2

— Ты, конечно, прости, Аннушка, — сказал белобородый дед в дождевике и синей шляпе, — если я тебя испугал.

— Здравствуйте, дедушка Геннадий, — сказала Анна. Вряд ли кто-нибудь еще в деревне мог сразу признать ее.

Они стояли у каменной церкви с обвалившимся куполом. Большая стрекоза спланировала на край кринки, которую Анна прижимала к груди, и заглянула внутрь.

— За молоком собралась? — спросил дед Геннадий.

— К вам.

— Молочка дадим. А я за лошадьё пришел, сюда забрела. Откуда-то у нее стремление к покою. Клеопатрой ее зовут, городская, с ипподрома выбракованная.

— Тетя Магда вам писала?

— Она мне пишет. Ко всем праздникам. Я в Прудники ездил, возвращаюсь, а ты на крыльце стоишь. Выросла... В аспирантуру, значит, собираешься?

— Тетя и об этом написала?

Гнедая кобыла стояла по другую сторону церкви, грелась на солнце. Она вежливо коснулась зубами протянутой ладони. Ее блестящая шкура пахла потом и солнцем.

— Обрати внимание, — сказал дед Геннадий, — храм семнадцатого века, воздвигнутый при Алексее Михайловиче, а фундамент значительно старше. Понимаешь? Сюда реставратор из Ленинграда приезжал. Васильев, Терентий Иванович, не знакома?

— Нет.

— Может, будут реставрировать. Или раскопки начнут. Тут на холме город стоял в средневековые времена. Земля буквально полна исторических тайн.

Дед торжественно вздохнул. Надвинул шляпу на глаза, хлопнул Клепу по шее, и та сразу пошла вперед. Анна поняла, что реставратор Васильев внес в душу Геннадия благородное смятение, открыв перед ним манящие глубины веков.

Впереди шла Клеопатра, затем, жестикулируя, дед — дождевик его колыхался, как покрывало привидения. Он говорил, не оборачиваясь, иногда его голос пропадал, заглохнув в кустах. Речь шла об опустении рек и лесов, о том, что некий купец еще до революции возил с холма камень в Полоцк, чем обкрадывал культурное наследие, о том, что население этих мест смешанное, потому что сюда все кому не лень ходили, о том, что каждой деревне нужен музей... Темы были многочисленны и неожиданны.

Они спустились с пологой, противоположной от реки стороны холма и пошли вдоль ржаного поля, по краю которого росли васильки. Анна отставала, собирая цветы, потом догоняла деда и улавливала новую тему — о том, что над Миорами летающая тарелка два дня висела, а на Луне возможна жизнь в подлунных вулканах... У ручья дед обернулся.

— Может, у нас поживешь? Чего одной в доме? Мы с Дарьей одни, беседовать будем.

— Мне и дома хорошо. Спасибо.

— Я и не надеялся, — легко согласился дед.

В доме деда Геннадия пришлось задержаться. Бабушка Дарья вскипятила чай, достала конфеты, а дед вынул из сапожной коробки и разложил на столе свой «музей», который он начал собирать после встречи с реставратором Васильевым. В «музее» были: фотографии деда двадцатых годов, банка из-под чая с черепками разной формы и возраста, несколько открыток с видом Полоцка и курорта Монте-Карло, покрытая патиной львиная голова с кольцом в носу — ручка от двери, подкова, кремневый наконечник копья, бутылочка от старинных духов и что-то еще. Коллекция была случайная, сорочья, бабушка Дарья отозвала Анну на кухню поговорить о родственниках, потом шепнула: «Ты не смейся, пускай балуется. А то пить начнет». Бабушка Дарья прожила с Геннадием полвека и все боялась, что он запыет.

3

Сумерки были наполнены звуками, возникающими от тишины и прозрачности воздуха. Голоса от колодца, женский смех, воркование телевизора, далекий гудок грузовика и даже перестук колес поезда в неимоверной залесной дали — все это было нужно для того, чтобы Анна могла как можно глубже осознать необъятность небес, блеск отражения луны в черной реке, непроницаемое молчание леса, всплеск вечерней рыбы и комариный звон.

Анна поднялась к дому и не спеша, улыбаясь при воспоминании о бабушкиной болтовне, открыла на этот раз покоренный замок. Держа его в одной руке, а кринку с парным молоком в другой, она вошла в темные сени, сделала шаг и неожиданно налетела на что-то твердое и тяжелое. Кринка выпала и грохнулась о пол, замок больно ударил по ноге. Анна вскрикнула, обхватила руками лодыжку, и тут же из-за перегородки, отделявшей сени от холодной горницы, резкий мужской голос спросил:

— Ты что, Кин?

С чердака откликнулся другой, низкий:

— Я наверху.

Несмотря на жуткую боль, Анна замерла. Ее на мгновение посетила дикая мысль — она ошиблась домом. Но по эту сторону ручья только один дом. И она сама только что отперла его.

Часто заскрипели ступеньки узкой лестницы, ведущей на чердак. Скрипнула дверь.

Два фонаря вспыхнули одновременно. Анна зажмурилась.

Когда она открыла глаза, щурясь, увидела в сенях двух мужчин, посредине — большой желтый чемодан, облитый молоком. Молочная лужа растекалась по полу, в ней рыжими корабликами покачивались черепки кринки.

Один был молод, едва ли старше Анны, в строгом синем костюме, галстучке-бабочке, с вьющимися черными волоса-

ми и гусарским наглым взглядом. Второй, спустившийся с чердака, был постарше, массивней, плотней, лицо его было скуластым, темнокожим, на нем светлыми точками горели небольшие глаза. Одет он был в черный свитер и потертые джинсы.

Морщась от боли, Анна выпрямилась и спросила первой:

— Вы через окно влезли?

Мужчины держали в руках небольшие яркие фонарики.

— Что вы здесь делаете? — спросил скуластый бандит.

— Я живу здесь. Временно. — И, как бы желая сразить их наповал, Анна добавила: — Вот видите, я и пол вымыла.

— Пол? — спросил скуластый и посмотрел на лужу молока.

Анна была так зла, да и нога болела, что забыла об испуге.

— Если вам негде переночевать, — сказала она, — перейдите через ручей, в крайний дом. Там комната пустая.

— Почему это мы должны уходить? — спросил молодой.

— Вы что, хотите, чтобы я ушла?

— Разумеется. Вам здесь нечего делать.

— Но ведь это дом моей тетки, Магды Иванкевич.

— Это черт знает что, — сказал молодой. — Никакой тетки здесь быть не должно.

— Правильно! — воскликнула Анна, все более преисполняясь праведным гневом. — Тетки быть здесь не должно. Вас тоже.

— Мне кажется, — заявил скуластый бандит, — что нам надо поговорить. Не соблаговолите ли пройти в комнату?

Анна обратила внимание, что речь его была чуть старомодной, точно он получил образование в дореволюционной гимназии.

Не дожидаясь ответа, бандит толкнул дверь в горницу. Там было уютно. Диван был застелен, на столе лежали книги, частично английские, что сразу убеждало: в комнате обитает интеллигентный человек — то есть Анна Иванкевич.

Видно, эта мысль пришла в голову и бандиту, потому что его следующие слова относились не к Анне, а к спутнику.

— Жюль, — сказал он, — кто-то прошляпил.

Жюль подошел к столу, поднял английскую книжку, пошевелил губами, разбирая название, и заметил:

— Не читал.

Видно, хотел показать свою образованность. Возможно, он торговал иконами с иностранцами, занимался контрабандой и не остановится ни перед чем, чтобы избавиться от свидетеля.

— Хорошо, — сказал скуластый бандит. — Не будем ссориться. Вы полагали, что дом пуст, и решили в нем пожить. Так?

— Совершенно верно. Я знала, что он пуст.

— Но вы не знали, что хозяйка этого дома сдала нам его на две недели. И получилось недоразумение.

— Недоразумение, — подтвердила Анна. — Я и есть хозяйка.

Гусар уселся на диван и принялся быстро листать книжку.

Вдали забрехала собака. В полуоткрытое окно влетел крупный мотылек и полетел к фонарику. Анна, хромя, подошла к столу и зажгла керосиновую лампу.

— Магда Федоровна Иванкевич, — сказал скуластый бандит учительским голосом, — сдала нам этот дом на две недели.

— Когда вы видели тетю? — спросила Анна.

— Вчера, — ответил молодой человек, не отрываясь от книги. — В Минске.

«Вранье», — поняла Анна. Вчера утром она проводила тетку в Крым. Полжизни прожив в деревне, тетка полагала, что деревня — не место для отдыха. Экзотическая толкотня на ялтинской набережной куда более по душе ее романтической белорусской натуре... Они здесь не случайно. Их привела сюда продуманная цель. Но что им делать в этом доме? Чем серьезнее намерения у бандитов, тем безжалост-

нее они к своим жертвам — цель оправдывает средства. Как бы вырваться отсюда и добежать до деда?

— Пожалуй, — сказал задумчиво большой бандит, дотрогнувшись пальцем до кончика носа, — вы нам не поверили.

— Поверила, — сказала Анна, сжимаясь под его холодным взглядом. Чем себя и выдала окончательно. И теперь ей оставалось только бежать. Тем более что молодой человек отложил книгу, легко поднялся с дивана и оказался у нее за спиной. Или сейчас, или никогда. И Анна быстро сказала: — Мне надо выйти. На улицу.

— Зачем? — спросил большой бандит.

Анна бросилась к полуоткрытому окну, нырнула в него головой вперед, навстречу ночной прохладе, душистому аромату лугов и запаху горького дыма от лесного костра. Правда, эту симфонию она не успела оценить, потому что гусар втащил ее за ноги обратно в комнату. Анна стукнулась подбородком о подоконник, чуть не вышибла зубы и повисла — руками за подоконник, ноги на весу.

— Отпусти, — простонала Анна. Ей было очень больно.

В ее голосе был такой заряд ненависти и унижения, что скуластый бандит сказал:

— Отпусти ее, Жюль.

Выпрямившись, Анна сказала гусару:

— Этого я вам никогда не прощу.

— Вы рисковали. Там под окном крапива.

— Смородина, — сказала Анна.

— Вы чего не кричали? — деловито спросил скуластый бандит. — Тут далеко слышно.

— Я еще закричу, — сказала Анна, стараясь не заплакать.

— Сударыня, — сказал большой бандит, — успокойтесь.

Мы не причиним вам зла.

— Тогда убирайтесь! — крикнула Анна визгливым голосом. — Убирайтесь немедленно из моего дома! — Она схватилась за челюсть и добавила сквозь зубы: — Теперь у меня рот не будет открываться.

Громоздкий бандит поглядел поверх ее головы и сказал:

— Жюль, погляди, нельзя ли снять боль?